

АНАТОЛИЙ АГАРКОВ

Чертово колесо

ТАК ЖИЗНЬ СКУЧНА,
КОГДА БОРЕНЬЯ НЕТ.

(М. ЛЕРМОНТОВ)

Анатолий Агарков

Чертово колесо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32829839

ISBN 9785449076427

Аннотация

Жила-была в селе старуха – не просто бабка, а яга. Творила колдовства, людей губила – не мало за душой поганых дел. А как пришло время умирать, ох и повила же она – никто к бабке не идет. А без того, чтоб силу колдовскую кому-то передать, ей не покинуть белый свет... Ну, ладно, не буду Вас пугать. Однажды эта старая карга встала на пути геройского атамана Богатырева.

Чертово колесо

Анатолий Агарков

*Так жизнь скучна, когда боренья нет
(М. Лермонтов)*

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-7642-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вторую неделю колесил по увельским весям уполномоченный Челябинского облземотдела по делам коллективизации Иван Артемьевич Назаров. Выступал перед казаками, крестьянами, агитировал за колхозы. В помощники Увельский райком партии определил ему бывшего председателя Соколовской казачьей коммуны Константина Алексеевича Богатырёва, человека в районе известного ещё со времён Гражданской войны и особо уважаемого в станицах.

Ездили избитыми просёлками, ночевали в чужих избах, но никак не удосужились поговорить по душам. А порасспросить Богатырёва у Ивана Артемьевича было о чём, да только не было повода: слишком суров на вид казался «отставной козы барабанщик Богатырёв» – как он сам представился при знакомстве.

И вот, наконец, по дороге в станицу Кичигинскую признался Назаров:

– Где-то в этих местах в восемнадцатом году без вести сгинул мой задушевный друг Андрей Фёдоров. Пошёл в Кичигинскую станицу с продотрядом и пропал по дороге. Не слышал?

– В восемнадцатом? – переспросил Богатырёв. – Нет, не слышал. Должно быть, Семёна Лагутина рук дело. Он тут один из первых против Советской власти пошёл и дрался до конца. Как говорится, до последнего патрона. Когда поймали – покаяться хотел, говорил: в монастырь уйду, если простите, грехи замаливать. Да где там – столько крови на руках. В Троицке, в чека и расстреляли. Перед смертью-то он словоохотлив был. Вот его бы расспросить, может, что и поведал.

– Да-а, мёртвого не спросишь. А что, может и правда получился бы из него поп-праведник или послушник какой. Глядишь – и святой, помрёт – народ мощам молиться станет. Бывает и так жизнь поворачивает. Иные элементы раньше насмерть бились с Советской властью, а теперь вдруг стали её активистами. Иного тряхни в НКВД, а у него за душой и эсеровщина, и колчаковщина, и чёрт знает ещё что.

– Меня вон тоже трясли, – уныло сказал Богатырёв. – В бандитские потатчики записали, коммуноу пропил.... Спасибо, Василий Константинович спас от стенки да позора.

– Блюхер?!

– Он. А кабы не он, где бы я сейчас был?

Собеседники умолкли, думая каждый о своём, и долго на лесной дороге слышны были лишь топот копыт да скрип тележный.

Назаров не верил в фатальность судьбы, но сейчас, глядя на бородатое лицо Константина Богатырёва, готов был поверить. Те же места, быть может, та же дорога, и вот такие бородачи напали из засады и порубали продотрядцев Фёдорова, и концы упрятали в воду. Подумалось ненароком – а может и Богатырёв к тому делу причастен и вот-вот сделает признание. Ох, как бы не роковое для него, Ивана Артемьевича Назарова.

День венчался к полудню. Стояла невыносимая, удушливая жара. Вроде бы чистое и в то же время хмурое небо повисло над головой – как всегда бывает в густом лесу или в преддверье дождя. Издали донёсся громовой раскат.

Богатырёв подстегнул вожжами лошадь:

– Успеть бы до грозы, станица-то совсем уж рядом....

Гроза надвигалась стремительно. Вековой бор утробно шумел под напором ветра. В местах, где сосны подступали вплотную к дороге, длинные колючие ветви угрожающе раскачивались сверху вниз, норовя хлестнуть по глазам.

Но вот они расступились, открылась станица на крутом берегу реки. Стало видно, что небо туго забито лиловыми тучами. Ветер стих, но было ясно, что грозы не миновать. На широкой улице – ни души, молчат собаки, молчат петухи.

– Тихо как, – подивился Назаров.

Иван Артемьевич уже подметил, что казаки внешне очень похожи друг на друга. Вот и Кичигинский председатель Совета Парфёнов казался родным братом Богатырёву. Встретил он их без особого энтузиазма. Долго и настороженно разглядывал предъявленные документы, вчитываясь в каждое слово.

– Ты, товарищ Парфёнов, никак нас за шпионов принял, – пошутил Назаров. – Откуда такая подозрительность? Были попытки?

– Ты мне подал бумаги, я их посмотрел, что тут такого? – угрюмо сказал председатель, возвращая документы.

– Поди, энкавэдэшников не так встречаешь, председатель? Они молчунов не жалуют.

Назаров и сам не понял, что он сейчас сказал – шутку или скрытую угрозу, намёк, так сказать, на возможные последствия.

Парфёнов молвил после паузы:

– У нас, казаков, говорят – лучшее слово то, которое не сказал.

Неловкое молчание прервал Богатырёв, кивнув на окно, за которым бушевала гроза:

– Должно надолго.

– Ветер сильный, – не согласился Парфёнов, – скоро разведётся.

Однако стихия ярилась всё сильнее и лиходейничала

ДО САМЫХ ПОТЁМОК.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.